

Китайские иероглифы появились не только на предметах для частного пользования, таких как талисманы, но и в публичном пространстве: в декоре витрин профильных торговых точек, в объявлениях секций боевых искусств, в составе вывесок. С семиотической точки зрения, мы наблюдаем пример интересного феномена, который можно назвать “скрытой денотацией”. Присутствует знак, но его денотация не может быть прочитана и понята. Присутствие знака, таким образом, обусловлено исключительно его коннотациями.

Эти коннотации сплетались из традиционных представлений о печитаемом тексте и высоком статусе всего заграничного, характерном для постсоветской эпохи. К этому примешивалось общее увлечение любой экзотикой, общая эклектичность эпохи и сознания людей этого периода, которое как никогда легко смешивало предметы из разных культур и эпох. Так, интерес к восточной эзотерике, китайским амулетам и оберегам, мог легко соседствовать с христианскими убеждениями. В пространстве одной комнаты могли находиться православные иконы и предметы, относящиеся к восточным религиям, и такое соседство не воспринималось как конфликтное. По существу, здесь мы наблюдаем ту же модель отношения к сакральному, которая была характерна для традиционной культуры, сочетавшей в себе христианские элементы и народные верования, культ Девы Марии и культ предков. Иероглиф как нечитабельный текст оказывался в данном случае одним из важных маркеров сакрального, уже известным в собственной культуре.

Э. Г. Иоффе

БГПУ им. М.Танка (г. Минск)

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОВЛИЯНИИ ЕВРЕЙСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

В истории еврейских и славянских языков и литератур одной из малоисследованных проблем является вопрос об их взаимовлиянии. В подавляющем большинстве случаев такое взаимовлияние начинается с взаимовлияния языков — еврейских (иврит, идиш) и славянских (русского, польского, белорусского, украинского и др.).

Даже в таком солидном издании, как энциклопедия «Беларуская мова» (Минск, 1994) нет ни слова о взаимовлиянии белорусского языка и еврейских языков.

В рукописи XIII в. упоминается раввин из украинского города Чернигова, который во время занятий толковал изучаемый материал на русском языке [1, с. 91–93; 2, с. 82–83].

Это и другие упоминания о «ханаанском» и русском языках, а также славянские глоссы (пояснения непонятных мест), сохранившиеся в рукописях на иврите, показывают, что немногочисленные евреи, жившие тогда в Восточной Европе, усвоили некоторые славянские языки. Есть основания полагать, что в Великом княжестве Литовском, как и в польских землях, средством общения между евреями и неевреями (а часто также и между самими евреями) являлись древнерусский и старопольский языки, перемешанные с древнееврейским. В то же время в синагогах, молитвенных домах и кагалах евреи разговаривали на «лошн койден» («священном языке»), т.е. на древнееврейском.

Иврит — это язык евреев, существующий уже свыше 3 тысяч лет. В истории иврита можно выделить несколько периодов — библейский (XII–II вв. до н.э.), послебиблейский (I в. до н.э.–II в. н.э.), талмудический (III–VII вв. н.э.), средневековый (VIII–XVIII вв. н.э.), иврит эпохи Хаскалы (Гаскалы) (XVIII–XIX вв.), современный иврит (с 1880-х гг. до наших дней).

Основателем современного иврита можно считать уроженца белорусского города Копыля, “дедушку еврейской литературы”, Менделе Мойхер-Сфорима [3, с. 635].

На рубеже XIX–XX веков происходит беспрецедентное в истории языков событие — возрождение мертвого древнего языка. Пионером возрождения иврита был уроженец местечка Лужки Шарковщинского района Витебской области Элизер Бен-Иегуда.

Еврейско-немецкое наречие стало распространенным средством общения между евреями в XIV–XVI вв.

По мере того, как евреи передвигались на восток, они приносили с собой этот язык. Расселяясь в Польше и Великом княжестве Литовском, они добавляли к нему слова из окружающих местных языков. Так образовался идиш. К XVII веку подавляющее большинство евреев Европы говорило только на нем. Иврит использовался лишь в школах и синагогах, учебниках и молитвах.

Термин “идиш” впервые появился в 1648 году в стихотворении о резне, которая была учинена казаками Зиновия-Богдана Хмельницкого. В этом произведении говорится, что погромщики глумились над евреями, передразнивая их речь на “юдеш” [4, с.205].

Еврейские переселенцы из Германии и Чехии в XIII–XIV вв. встретились с евреями Польши, Беларуси и Литвы, которые говорили на славянских языках. Начало этого процесса пришлось на вторую половину XIII в. и продолжался он до XVII в [5, с.16].

Словарь идиш характеризуется наличием слов различного происхождения: иврито-арамейских, романских, славянских и «международных».

Из славянских языков идиш заимствовал не только тысячи лексических единиц, но и многочисленные продуктивные модели образования новых слов. Среди славянских языков наиболее видное место по степени влияния на идиш занимают польский, украинский и белорусский языки [3, с. 668–669]. Значительно меньший след оставили имевшие место в прошлом связи идиш с чешским и сравнительно недавние его контакты с русским языком.

На каких других языках говорили евреи, не объявившие идиш своим родным языком в 1897 г.? Более половины назвали таковым польский (примерно 46 тыс. человек) и несколько меньше (43 тыс.) — русский [6, с.75].

Нельзя не согласиться с профессором Тель-Авивского университета Полом Векслером, что иврит и идиш отличаются в происхождении своих славянских компонентов. Четко белорусских и украинских заимствований в иврите немного, а в идиш они многочисленны. Польское влияние сильно чувствуется как в идиш, так и в иврите, но русское влияние более значительно в иврите. Славянское влияние на идиш отличается в говорах идиш, тогда как в иврите география не играет роли.

Учитывая то, что Элизер Бен-Иегуда и Менделе Мойхер-Сфорим — две главные фигуры в возрождении современного иврита — были уроженцами белорусских земель и что в середине века евреи создали на белорусских землях иудеизированную белорусскую литературу, не будет преувеличением предположение, что из всех славянских вкладов в ашкеназийский (ашкеназы (ашкенази) — крупнейшая субэтническая группа евреев, возникающая в начале первого тысячелетия в Германии и расселившаяся по всей территории Центральной и Вос-

точной Европы, включая Российскую империю) этногенез, культуру и языки на протяжении первого тысячелетия нашей эры белорусский компонент занимает центральное место [7, с. 34].

Многие видные деятели украинской культуры владели двумя или одним еврейским языками. С уверенностью это можно сказать об Иване Франко, Тарасе Ивановиче Франко, Павло Тычине, Лесе Курбасе, Борисе Антоненко-Давидовиче, Миколе Лукаше. Хорошо владел древнееврейским языком митрополит Андрей Шептицкий.

По мнению белорусского ученого Г.В. Сивило, среди книг Танаха, ставшего фундаментом и своего рода метатекстом не только еврейской, но и европейской культурной традиции, и, наряду с эллинистическим наследием, определившим тонику и стилистику европейской литературы, совершенно особое место занимает Песнь Песней.

В первую очередь, речь идет о таких русских поэтах как Г.Р. Державин, А.С. Пушкин, А.А. Фет, М. Лохвицкая, К. Бальмонт, Г. Чулков, В. Брюсов, а также о Х.И. Бялик, пишущем на иврите и идиш о русско-еврейских поэтах С. Фруге, Л. Яффе, С. Маршаке.

Анализ многочисленных и разнообразных источников позволяет сделать вывод о разных степенях влияния в разные периоды времени славянских языков на идиш и иврит и в свою очередь последних на славянские языки. Более глубокое исследование взаимосвязи и взаимовлияния еврейских языков, еврейской культуры и славянских языков и культур будет содействовать ликвидации "белых пятен" в развитии этих культур.

Литература

1. *Вейнрейх, М.* История языка идиш / М. Вейнрейх. — Т.1. — Нью-Йорк, 1973.
2. Там же, Т. 3 (идиш)
3. Краткая Еврейская Энциклопедия (КЕЭ). — Т. 2. — Иерусалим, 1992.
4. *Вейнрейх, М.* Картины из истории литературы на языке идиш / М. Вейнрейх. — Вильнюс, 1928. (идиш).
5. *Шмерух Х.* Литература на языке идиш в Польше. — Иерусалим, 1981. (иврит).
6. Главы из истории и культуры евреев Восточной Европы. — Ч. 5-6. — Израиль, 1995.
7. *Векслер, П.* Забыты беларускі кантэкст сучаснай гебрайскай мовы / П. Векслер // Беларусіка. Кн. 4. Яўрэйская культура Беларусі і яе ўзаемадзеянне з беларускай і іншымі культурамі; Вацлаў Ластоўскі — выдатны дзяяч беларускага

адраджэння / Рэд. В. Рагойша, Г. Цыхун, З. Шыбека. — Мн.: Нав. і тэхн., 1995. — С. 20–34.

Н.А. Копыцько
ГНУ ЦІБКЯЛ ПАН Б (г. Мінск)

ДИАЛОГ С КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРОЙ В ТВОРЧЕСТВЕ БЕЛОРУССКИХ КОМПОЗИТОРОВ

Творческая рецепция китайских художественных традиций в европейской музыке XX — начала XXI века взаимосвязана с многовековым и многоуровневым проникновением восточных интенций в западный мир — в его быт, художественное творчество, мировоззрение и философию. К началу и особенно со второй половины XX века синтез восточного и западного мировосприятия становится определяющим для эстетики ряда крупнейших художников, поэтов, писателей, композиторов, режиссёров и хореографов Европы и Америки. В белорусской академической музыке XX века обращение к китайской культуре происходит с некоторым запозданием по сравнению с общемировым эстетико-стилевым процессом и особенно активизируется в 1990-х — 2000-х годах. Сегодня уже можно говорить о феномене «белорусского музыкального Китая», представителями которого являются отечественные композиторы среднего и молодого поколений: **Галина Горелова** (р. 1951), **Вячеслав Кузнецов** (р. 1955), **Виктор Копыцько** (р. 1956), **Сергей Бельтюков** (р. 1956), **Андрей Беляев** (р. 1979), **Константин Яськов** (р. 1981). Музыкальный Китай каждого из авторов отличаются индивидуальные ракурсы рецепции художественных традиций Поднебесной, различные композиторские подходы к решению образно-музыкальной драматургии и темброво-акустического пространства партитур. При этом обращает на себя внимание тот факт, что для белорусских композиторов доминирующим является не строго этнографическое, а скорее трансцендентное постижение музыкальных традиций Древнего и Средневекового Китая, основанное на комплексном осмыслении свособразия притягательной культуры Поднебесной — её поэзии, литературы, изобразительного искусства и философии.